

Ю. К. ВОРОБЬЕВ, М. В. МОСИН (Саранск)

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ МОРДОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Как известно, мордовские литературные языки функционируют в следующих сферах общения: изящная словесность, публицистика, гуманитарные науки, школа, театр. Сфера управления традиционно обслуживается русским языком. Однако в истории мордовских языков был период, когда централизованно осуществлялась попытка перевести хотя бы часть делопроизводства на мордовские языки — 1928—1937 годы. Попытка не удалась. Мы не собираемся давать ей политическую оценку — это тема для отдельного социолингвистического исследования. В краткой истории мордовского документа был один положительный аспект, которому лингвисты пока еще не уделяли должного внимания. Значительное количество документов отразило живую разговорную речь, диалектные черты, говоры отдельных сел. Историческая диалектология постоянно нуждается в расширении круга своих источников и документ, как тип текста, может быть информативным материалом для уточнения системы мордовских диалектов, поскольку время и место его составления почти всегда точно определено. Наличие в документах диалектных форм объясняется, в частности, тем, что первые попытки унифицировать делопроизводство на мордовских языках не носили централизованного характера, так как многие районы Мордовии имели в момент появления документов на мордовских языках иное территориальное подчинение.

Известно, что нормализованный документооборот функционально состоит из нескольких основных видов документов: 1) законодательный, 2) организационно-распорядительный, 3) судебный, 4) нотариальный. Классификация может быть и более дробной. Документы на мордовских языках функционировали во всех названных сферах, хотя по сравнению с документами, составленными на русском языке, их общее количество незначительно. Документы на мордовских языках, разрозненно хранящиеся в делах разных учреждений Центрального государственного архива Мордовской АССР (ЦГА МАССР), зафиксированы нами в следующих сферах общения:

1. Законодательный документ. Помимо Конституции Мордовской АССР, принятой в 1937 году, к таковым относились директивные документы законодательного характера, например, закон о самообложении, постановление съезда Советов (Р-149, оп. 1, д. 458, л. 524, 552, 571).
2. Организационно-распорядительный документ: а) распорядительный — распоряжение, приказ, приказ по личному составу; б) координирующий — инструкция; в) актирующий — протокол, акт, резолюция; г) фиксирующий управленческую деятельность — книга, журнал, дело.
3. Следственный и судебный: исковое заявление, административный протокол, обвинительное заключение, протест, определение, приговор.
4. Нотариальный: запись актов гражданского состояния.

Значительный массив документов дошел до наших дней непосредственно (печатные, рукописные), о существовании других можно судить пока только на основании архивных упоминаний.

Основополагающими материалами для изучения вопроса о переводе делопроизводства на языки эрзя и мокша служат инструкции, сохранившиеся в архивных делах мор-

довского окружного исполкома Средне-Волжской области (Р-149, оп. 4., д. 9, л. 83, 236). Эти и другие нормативные документы на 1928—1929 годы определяли порядок и конкретные сферы перевода делопроизводства на родные языки. Несмотря на их внутреннюю противоречивость, филологический анализ инструкций должен стать исходным моментом в процессе изучения всей этой сложной и неоднозначной социолингвистической проблемы.

Следует оговориться, что определенная часть документов содержала относительно нормализованные формы. Это, в первую очередь, документы, составленные в канцеляриях учреждений Саранска, где работали наиболее подготовленные в языковом отношении (по меркам того периода) специалисты. Важную роль в деле унификации языковых форм должны были сыграть формулярники, т. е. руководства по делопроизводству, содержащие модели документов разных типов. Характерно, что требования создать формулярники шли именно из низовых периферийных канцелярий. Об этом свидетельствует, например, протокол технического совещания сотрудников Ачадовского райисполкома с участием секретарей сельсоветов. Совещание состоялось в сентябре 1929 года (Р-149, оп. 1, д. 458, л. 47). Этот же вопрос зафиксирован в протоколе Козловского районного совещания в августе 1930 года (Р-149, оп. 1, д. 458, л. 394). Нельзя сказать, что центром эта проблема игнорировалась. В материалах Средне-Волжского исполкома краевого совета есть документы, свидетельствующие о специальной статье ассигнований для создания руководств по канцелярскому делопроизводству (Р-149, оп. 1, д. 458, л. 222 об.). Однако практическое решение вопроса сталкивалось с огромными трудностями. Главной из них было отсутствие стабильных литературных норм. Подготовленные формулярники, вероятно, так и не были введены в действие, хотя работа в этом направлении велась. Определенный, но пока не выясненный вклад в унификацию норм, особенно на морфологическом и лексическом уровнях, внесли канцелярские книги, журналы, дела, бланки, карточки, отпечатанные в типографиях на эрзянском и мокшанском языках. Употребленные в них языковые формы закреплялись в общественном сознании носителей языка, как нормативные.

Подробное ознакомление с документами показывает, что для исторической диалектологии наиболее информативны документы актирующего характера, прежде всего протокол, в частности, протокол собрания в национальном сельсовете. В первую очередь эти документы фиксировали разговорную языковую стихию. Учитывая, что в 1930 году в Мордовской автономной области было 123 мокшанских и 92 эрзянских сельских советов, можно предположить, что общее число дошедших до нас протоколов довольно значительно, даже с учетом того, что дела многих национальных сельсоветов за тот период не сохранились, а в некоторых национальных сельсоветах протоколы на родном языке составлялись редко.

Следующей важной в источниковедческом отношении группой документов являются жанры административной переписки, особенно на уровне района: распоряжения и уведомления райисполкома и других районных учреждений, их переписка между собой, с сельскими советами и, наконец, отчетная документация сельсоветов в районные учреждения. Об этом свидетельствуют, например, копии четырех документов за 1930 год, высланные Дубенским райисполкомом в Мордовский облисполком (Р-149, оп. 1, д. 458, л. 397—400).

Архивные поиски позволяют сделать вывод о том, что наиболее значительную в количественном отношении группу составили следственные и судебные документы, несомненно содержащие диалектные формы. Однако именно эти документы в своей основной массе, вероятно, до нас не дошли, поскольку имеют ограниченный срок хранения.

Итак, диалектная база мордовской филологии пополняется чрезвычайно интересными источниками. Документы, хранящиеся в ЦГА МАССР, до настоящего времени не систематизировались. Их филологическое описание осложняется тем, что отдельные документы, как уже отмечено, разбросаны по многим сотням архивных дел, которые необходимо обнаружить среди многих тысяч дел, относящихся к деятельности самых разных учреждений. Документы на мордовских языках ждут своих исследователей.